

ДВЕ НОВЫЕ РАБОТЫ О ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЙ КЛИНОПИСИ

M. MAYRHOFER. Supplement zur Sammlung der altpersischen Inschriften. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 338. Band, «Veröffentlichungen der iranischen Kommission herausgegeben von Manfred Mayrhofer», Band 7. Wien, 1978, 52 S.; M. MAYRHOFER. Nachlese altpersischen Inschriften. Zu übersehenen und neu gefundenen beschrifteten Objekten und zur Schriftproblematik im persischen Weltreich. Werkstattbericht über ein «Supplement altpersischer Inschriften». «Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft», Vorträge 19, Innsbruck, 1978. 28 S.

В кругу интересов М. Майрхофера находится значительный перечень дисциплин и проблем и прежде всего вопросы филологии, языкознания и те, которые с ними непосредственно связаны. Он опубликовал ряд исследований по индийским, авестийским и иранским собственным именам и топонимам, кардинальным проблемам истории индоариев на древнем Ближнем Востоке и вот теперь выпустил в свет два обобщающих (но отнюдь не справочного характера) труда по древнеперсидскому языку, который в индоевропеистике уже стал классическим. Обе работы посвящены всем известным к настоящему времени древнеперсидским надписям.

Первая из названных здесь работ в полном смысле слова является новым «собранием древнеперсидских надписей», т. е. всех тех, которые не вошли в известную работу Р. Кента¹ и которые ранее не объединялись в подобные издания. А таких надписей было обнаружено за три десятилетия, прошедшие со времени выхода в свет книги Р. Кента, значительное количество (правда, не все они являются объемными). Учесть и издать все из известного фонда надписей ныне является довольно трудной задачей.

1. «Надписи Кира II». Следует сразу же сказать, что каких-либо доказательств того, что при Кире существовала древнеперсидская клинопись, еще не обнаружено. Весьма маловероятно, что они вообще когда-либо могут появиться. Но два фрагмента надписей из Пасаргад, фр. № 5 и 6, как будто содержат части имени Кира. Впрочем, на первом из названных фрагментов (№ 5) представлена и идеограмма слова «царь». Но присутствие в древнеперсидских надписях идеограмм является все же свидетельством более позднего происхождения того или иного текста. М. Майрхофер присоединяется к мнению Д. Стронаха, что один из этих фрагментов, № 5 (СМб)², относится ко времени Дария (с. 11).

2. «Надписи Камбиза II». Каких-либо определенных свидетельств о существовании таковых также нет. В настоящем разделе М. Майрхофер рассматривает содержание так называемой «Зенданской надписи» из Мургаба, относящейся, по-видимому, ко

¹ Kent R. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. 2 ed. New Haven, 1953.

² Ныне известны три фрагмента так называемых «надписей Кира»: СМа, СМб, СМс.

времени Дария I (DM). В свое время этот текст очень подробно рассматривался в литературе К. Ниландером, Д. Стронахом, В. Хинцем и Дж. Кэмероном (с. 12).

3. Надписи Дария I. Как видно из конкорданса всех известных к настоящему времени древнеперсидских надписей и их фрагментов (с. 37—47), ныне насчитывается 91 или 92 надписи, относящиеся к эпохе Дария I (с. 38—42 и 51). Из них в сводном собрании новых текстов М. Майрхофера представлено 18. Это мургабские фрагменты, фрагменты из Персеполя (DPj) и Накш-и Рустама (DN V—X, XX, XXX) с именами подвластных народов (фигуры и плохо сохранившиеся надписи представлены на гробничном рельефе Дария I). Такие тексты обнаруживались в окрестностях Персеполя давно. Следовательно, имелись какие-то копии маленьких текстов Накш-и Рустамского комплекса, так называемые «строительные варианты». Вслед за Ф. Валла М. Майрхофер публикует древнеперсидский текст надписи на статуе Дария I (DSab, с. 15—16) и полагает, что этот памятник был доставлен Ксерксом из Гелиополя в Сузы после карательных операций в Египте. Исследование надписи, однако, показывает, что выводы и положения Ф. Валла, на которых основывается в своих заключениях о надписи на статуе Дария и о самом монументе М. Майрхофер, являются по большей части ошибочными³. Следует отметить также ряд царских печатей с надписями (все они стоят под одним номером, 3.11.1—3 (см. 3.11.3.1), по М. Майрхоферу, с. 16—17). Со ссылкой на Ж. Михаэлидиса и на его коллекцию упоминаются алебастровая ваза с именем Дария из Коптоса и бронзовая дверная петля из оазиса эль-Харга (Египет). Последнее изделие, имеющее надпись «Дарий, царь великий, царь царей», происходит, возможно, из храма, который там очень долго строился по приказу персидского царя. Из других находок надписей следует вслед за М. Майрхофером кратко остановиться на одной из тех, которые называются им под номерами 3.16.2.1—3.17.1 (четыре находки). На первой из них представлено имя Дария, но без каких-либо царских титулов (сама надпись не опубликована). На основании только настоящего факта, по-видимому, было бы преждевременным относить эту надпись ко времени именно Дария I. К тому же, как полагает М. Майрхофер, «факт находки надписи не доказуем» (с. 19). Последняя из этой группы надпись, 3.18, представляет фрагмент одной египетской стелы канала Дария I. Она была обнаружена во время экспедиции Наполеона и ранее публиковалась в «Описании Египта»⁴.

После выхода в свет «Дополнения...» М. Майрхофер обнаружил еще одну не учтенную ранее в собраниях такого рода находку. Эта надпись, фрагментарная и весьма короткая, принадлежит Дарию⁵.

4. Надписи Ксеркса I. Этот раздел включает 13 надписей и фрагментов таковых, не отмеченных в издании Р. Кента. Из них особого внимания заслуживает образцовое переиздание древнеперсидского текста надписи XDnb (так она была обозначена В. Хинцем), которую М. Майрхофер называет XP1. Причины «переименования» не указываются. В примечаниях к новому изданию (с. 21—25) очень подробно зафиксированы все те отличия, которые настоящая «надпись Ксеркса» претерпела в более поздней редакции этого царя по сравнению с той, которая была представлена в оригинале Дария I, — надписи DNb⁶.

Надписи XSd 1—2, изданные впервые Ф. Валла, также вошли в книгу М. Майрхофера (4.8.1 и 4.8.2, с. 25—26). Они, как и предыдущий текст, переизданы в транслитерации, но, к сожалению, автор повторяет ошибочный вывод Ф. Валла относительно соответствия древнеперсидского *duvarθi-/duvar-/dvar-* эламскому *e-ei* в текстах Дария I. Ничего подобного в надписях Дария не зафиксировано. Поэтому, признавая возможность этого соответствия для времени Ксеркса (и, возможно, для последующих Ахеменидов), ни в коем случае из него не следует делать вывода исторического характера,

³ Эдаков А. В. Новые находки надписей Ахеменидов. — ВДИ, 1979, № 3, с. 106 сл.

⁴ Во второй рецензируемой работе М. Майрхофера (Nachlese..., S. 10, Abb. 1; см. прим. 29) фрагмент стелы канала переиздается.

⁵ *Mayrh. jer M.* Ein unpubliziertes Beschriftetes eichgewicht der Dareios-Zeit. — AÖAW, 1979, № 116, S. 25—27.

⁶ Осв. ные из них уже были представлены на страницах ВДИ (см. Эдаков. Ук. соч., с. 111 сл.).

а именно утверждать, как это делает Ф. Валла, что статуя Дария I была доставлена в Сузы именно Ксерксом. Своих переводов надписей XPI и XSd M. Майрхофер в рассматриваемой работе не предлагает. Из других надписей Ксеркса contemporaneous является включение в корпус памятников надписей на вазах, происходящих из Египта (со ссылками на Ж. Познера).

5. Надписи Артаксеркса I. Сюда совершенно справедливо включены археологические находки с четырехязычными надписями, выполненные на египетских вазах (с. 28—29), в том числе и сосуд из Орска. Последний был обнаружен археологической экспедицией К. Ф. Смирнова и опубликован впервые им же в соавторстве с Т. Н. Савельевой⁷. В этом разделе даны сведения о четырех новых текстах.

6. Из надписей Дария II (с. 29—30) опубликована в транслитерации надпись из 23 строк на золотой пластинке из Хамадана, хранящаяся ныне в Тегеранском археологическом музее (D²Ha). Начало ее стандартно. Окончание звучит следующим образом: «...Говорит Дарий царь: „Ахура-Мазда эту страну мне ¹⁹предоставил. По воле Ахура-Мазда ²⁰ды я царь этой зем ²¹ли есмь. Меня Ахура-Мазда да ²²хранит и мой дом и ²³царство, которое мне он предоставил!“». Вместе с этой надписью и двумя фрагментами автор включает три новых текста времени Дария II.

7. Из надписей Артаксеркса III рассмотрены две, в том числе одна опубликованная ранее А. С. Стрелковым (с. 31—32).

Следующую группу из девяти надписей представляют тексты так называемого «неопределенного назначения», как их называет издатель (с. 32—34). Наибольший интерес вызывает один текст, 9.6 по нумерации М. Майрхофера. Впервые в литературе его упомянул еще Ж. Михаэлидис, а вновь рассмотрели П. Грело и автор рецензируемых работ⁸. Перевод надписи следующий: «Арьярша, сын Аршамы» (перевод М. Майрхофера: *Arīya-ʾr: an, des Ršāma Sohn*), а первого собственного имени: «mit arischen Man-ner») (с. 33)⁹. Что касается имени главного персонажа этого небольшого текста, то для него можно предложить иной перевод: «арийская арта», поскольку *arša-* здесь может восходить к форме *arta-*. На обосновании нашего перевода следует остановиться подробнее.

Традиционно такой текст рассматривают следующим образом. Имя «Аршама» увязывается с тем Аршамой, который являлся сатрапом Египта в течение весьма большого периода времени, возможно, вплоть до конца V в. до н. э. Он являлся «сыном Дома», т. е. принцем, Ахеменидом. Очевидно, именно этот персонаж фигурирует у Ктесия то в виде «Арсамеса», то «Аркаса», то «Сарсамы» (Pers. 37). Этот Аршамасатрап, Ахеменид, известен по довольно большому количеству разноязычных текстов. Гораздо меньше известен Арьярша (но не «Арьярша»). Считается, что именно этот Арьярша присутствует в египетских иероглифических надписях персидского времени. Следует, однако, подчеркнуть, что в этих текстах называется не Арьярша (и тем более не Арьярша), а Арьяварта: *ʾrywrtʾ / jrywrtʾ / ʾrywrt*¹⁰. Настоящий персонаж, несомненно, исторический, весьма интересен. Но здесь, не представляется возможным подробнее рассмотреть его карьеру и обстоятельства, в которых он оказался вместе со своим братом согласно египетским иероглифическим надписям. П. Грело в своей работе¹¹ также не учитывает того факта, что в египетских формах имени «Арьяварта» нет никаких следов фонемы *š*. Судя по всему, в египетских формах древнеперсидские имена с основами на *arta-* и *arša-* различаются. А вот в древнеиранских формах имена *arta-* и *arša-* как основы и как самостоятельные имена различались далеко не всегда.

Причем, как указывает египетская иероглифическая форма транслитерации древнеперсидского имени «Арьяварта», последний едва ли может отождествляться с Арьяртой, не говоря уже о третьем действующем лице по имени *Arīya-ʾr: an-* (по М. Майрхоферу). Следует попытаться определить и соответствия древнеиранских и египетских

⁷ ВДИ, 1972, № 3, с. 106 сл.

⁸ Библиография представлена в кн.: *Mayrhofer. Supplement...*, S. 33.

⁹ *Mayrhofer. Nachlese...*, S. 11.

¹⁰ *Posener G. La première domination perse en Égypte. Cairo, 1936, № 27, 31, 34.*

¹¹ *Grelot P. Documents araméens d'Égypte. P., 1972, p. 297 suiv.*

иероглифических форм имени «Аршама». Последние следующие: $'rt'ms/jrt' ms/jrtms$ ¹², т. е. вновь мы видим, что имена с основами *aršam-* и *ar-an-* не смешиваются. Эти соответствия позволяют сделать вывод, что представленные три египетские формы не передают имена сатрапа Египта, Ахеменида¹³, Аршамы.

Итак, в качестве некоторого итога здесь можно предложить следующее. Необходимо различать самостоятельные формы древнеиранских собственных имен, таких, как «Аршама», «Аршан», ту форму, которая передана в цитировавшихся (по собранию Ж. Познера) египетских иероглифических надписях, а также имена «Арьяарта», «Арьяварта», «Арьяарша». Эти имена являются очень близкими в двух формах — «Арьяаршан» и «Аршам», но все же не целиком и полностью тождественными. Настоящее отличие, как это представляется на основе всего рассмотренного материала, определенно фиксируется древнеиранским, египетским иероглифическим и арамейским материалом.

Все другие надписи, которые включены М. Майрхофером в группу «неопределенного содержания», вряд ли могут дать что-либо с точки зрения истории или древнеперсидской филологии. Они очень краткие, а иногда и фрагментарные. Однако самый факт их существования, несомненно, весьма важен, так как позволяет установить, что древнеперсидская клинопись и ее памятники были распространены гораздо шире, чем это считалось ранее. Материал, собранный и образцово обработанный М. Майрхофером в рецензируемых работах в дополнение к тому, который уже был известен из собрания надписей Р. Кента, подводит к следующему выводу.

Раньше, имея в распоряжении только издание текстов Р. Кента и отдельные, разбросанные по многочисленным статьям и монографическим работам публикации текстов или их частей, а также ссылки на них, можно было говорить исключительно о царских древнеперсидских надписях Ахеменидов и о переводах с них на эламский и аккадский. Для иного вывода данных не существовало. Теперь же этот вывод следует значительно расширить и говорить о том, что древнеперсидская клинопись как система письма после Дария I получила более широкое, чем это считалось ранее, распространение как территориально, так и в сферах своего применения. Разумеется, эта система письма никогда не стала деловой или официальной в масштабах даже какой-то отдельной части Персидской державы. Но при поздних Ахеменидах, после Дария I, ею стали пользоваться не только цари. Это и есть тот основной вывод, который, по-видимому, со всей определенностью следует сделать на основе всего известного древнеперсидского эпиграфического материала. К сожалению, памятников, подобных тем, какие были созданы при Дарии I (и при его личном участии в создании таковых), древнеперсидская клинопись после него не имела. Но это не препятствует тому, чтобы предложенный вывод имел право на существование.

Несколько на первый взгляд неожиданным подтверждением высказанному предположению являются данные 11-го раздела работы М. Майрхофера, который автор озаглавил «Meaningless inscriptions», опираясь на точку зрения Э. Шмидта¹⁴, а также на факт существования различного рода подделок, в том числе и изготовленных, по-видимому, еще в древности. Материал для этого положения представлен в первой (с. 36) и во второй (с. 13—15 и прим.; рис. 3) рецензируемых работах М. Майрхофера. Там речь идет о двух так называемых «сасанидских» царских рельефах, на которых имеются и древнеперсидские клинописные знаки, представляющие собой явную подделку. Судить об изображениях, не будучи специалистом, трудно. Но они выглядят также весьма неправдоподобными для того, чтобы считать их хотя бы приблизительно древнеперсидскими. К таким же по своему характеру относятся предметы из Луристана и других местностей Ирана, которые хранятся, в частности, в музейных коллекциях Золингена,

¹² Posener. Op. cit., № 34, 31, 24.

¹³ Driver G. Aramaic documents of the fifth century B. C. Oxf., 1965, p. 88 f.; Mayrhofer. Nachlese..., S. 33. Здесь же указана и основная литература.

¹⁴ Schmidt E. Persepolis, I. Structures. Reliefs. Inscriptions. Chicago, 1955, p. 204,

Вюрцберга и др.¹⁵ Если рельефы, о которых было сказано выше, претендуют на то, чтобы их считали сасанидскими, то, с другой стороны, настоящая группа «надписей» представлена на предметах (знаменитые луристанские бронзы, например), датирующихся XII—XI вв. до н. э. На некоторых из них имеется имя Дария. М. Майрхофер справедливо называет такие надписи «псевдодревнеперсидскими». Но остается загадкой, когда были изготовлены эти «фальшивки». Это делали люди, знакомые с клинописью. Скорее всего настоящий факт мог иметь место не только в наше время.

Вывод о невозможности удревления временных рамок существования древнеперсидской клинописи не запрещает, разумеется, констатировать огромные размеры того района, на территории которого были распространены ее памятники. Южные пункты таких находок располагаются в Египте, западные — в районах современной Румынии (D.Gh). Районы севера евразийских степей (Орск) служат пока самой северной точкой находок. Восточные границы не выходили, очевидно, далеко за пределы Месопотамии и прилегающих к ней областей.

Заслуживает внимания материал одной в высшей степени интересной печати из Вавилона. Как следует из данных М. Майрхофера, эта печать с надписью и изображением была впервые опубликована Ж. Менаном в 1886 г., но с тех пор не переиздавалась¹⁶. На оттиске с нее очень хорошо просматривается целая композиция, центральное место в которой занимает фигура царя, одетого в тунику и с тиарой на голове. Фигура обращена лицом к какому-то древовидному предмету, напоминающему внешне конструкцию из двух поставленных друг на друга, на свои вершины и скрепленных ромбов. Царь явно как-то связан с этой непонятной конструкцией: он протягивает по направлению к ней нечто похожее на кольцо-венчик. Еще четыре подобных кольца лежат у его ног. Между царской фигурой и сооружением из ромбов, вверху композиции, помещена звезда с восемью лучами. Композиция, как и надпись, удивительна. Последняя составляет четыре колонки: три основные находятся за спиной царской фигуры; одна из двух букв и разделительного клина помещена за «ромбовой» композицией. Знаки, составляющие текст, восстанавливаются довольно уверенно и дают имя Ксеркса, Xšāyārša. Форма имени является близкой к правильной (Xšāyārša). Самое удивительное заключается в том, что имя царя дается зашифрованным в виде криптограммы. Только в этом случае имя может быть прочтено, в ином будет просто набор букв.

Таковы основы проблемы, которые поднимаются М. Майрхофером в двух рассматриваемых работах. В первой из них «Дополнения к собранию древнеперсидских надписей» следует приветствовать наличие абсолютно полного и прекрасно составленного конкорданса всех древнеперсидских надписей (с. 37—47). При его составлении автор учел уже существующие попытки создания обобщающего конкорданса всех известных текстов¹⁷ и дополнил своими данными, полученными на материале собранных им надписей. Настоящая часть работы, как и все остальные, выполнена безупречно. Появление этих работ является новым существенным вкладом в прагматику, в изучение и расширение представлений о древнеперсидских надписях и древнеперсидской клинописи как системы письма.

А. В. Эдаков

¹⁵ *Mayrhofer. Nachlese...*, S. 14 f.

¹⁶ *Mayrhofer. Nachlese...*, S. 12 f., Abb. 2.

¹⁷ *Weissbach F. H. Die Keilinschriften der Achämeniden. Lpz, 1911 (2 ed. 1968); Kramers J. H. A classified list of the achaemenian inscriptions. Annual bibliography of Indian archaeology for the year 1931. Leiden, 1933; Kent. Op. cit.; Hauri C. Das pentathematische Schema der altpersischen Inschriften. Wiesbaden, 1973 и др.*